

*Памяти Кристофера Рива,
образца мужества, символа надежды*

Есть родственники, а есть предки; предков ты выбираешь сам. На их ценностях строится твоя личность.

Ральф Эллисон

Часть I

**ЧЕЛОВЕК
НА ТРИ ПЯТЫХ**

Вторник, 9 октября

ГЛАВА 1

Пот и слезы заливают лицо. Он бежит навстречу свободе, бежит что есть сил.

— Вон он! Сюда!

Бывший раб не знает, откуда донесся крик. Сзади? Слева? Справа? С верхних этажей обветшалых домов по обеим сторонам грязной улицы?

Июльский зной густ, как парафиновое масло. Худой человек прыгает через кучу конского навоза. В этой части города никто не убирает. Рядом с поддоном, высоко заставленным бочками, Чарльз Синглтон останавливается, чтобы перевести дух.

Гремит выстрел. Мимо. Звук переносит его на войну: он, в пыльном синем мундире, ловит на мушку солдат в пыльных серых мундирах, целящихся в него. Бесконечные часы выматывающего безумия.

Быстрее, быстрее. Снова выстрелы, снова мимо.

— Держи его! Пять долларов золотом за поимку!

Однако редкие прохожие — по большей части ирландцы-тряпичники и строительные рабочие — не рвутся ловить дюжего негра с пугающей решимостью на лице. К тому же обещание награды прозвучало из уст городского констебля, а значит, это всего лишь пустые слова.

У малярной мастерской на Двадцать третьей улице Чарльз резко сворачивает. Поскальзывается на мокрых брызжниках и с размаху падает на мостовую. Из-за угла появляется верховой полицейский, замахивается дубинкой. В следующий миг...

«В следующий миг?..»

Что же дальше?

Что с ним случилось потом?

Шестнадцатилетняя Женева Сеттл попыталась повернуть ручку на аппарате для чтения микрофиш, но безуспешно — она дошла до последнего кадра. Девушка убрала на место кассету со статьей из «Иллюстрированного еженедельника для цветных» от 23 июля 1868 года и принялась рыться в пыльной коробке, переживая, что не сможет выяснить дальнейшую судьбу своего предка. По опыту она знала, что исторические архивы, касающиеся американской «черной» истории, далеко не полны, а то и вообще утрачены.

Где же тогда искать продолжение?

Да, вот... Она нашла нужную кассету, аккуратно зарядила ее в старенький аппарат и начала нетерпеливо вращать ручку, ища продолжение статьи об отчаянном побеге Чарльза.

Богатое воображение и читательский опыт помогли оживить сухой репортерский отчет о погоне за бывшим рабом по грязным нью-йоркским улочкам позапрошлого века. Женева не оставляло чувство, что на самом деле она там и тогда, а не здесь и сейчас — почти сто сорок лет спустя, в библиотеке на безлюдном пятом этаже Музея афроамериканской истории и культуры на Пятьдесят пятой улице в центре Манхэттена.

Она крутила ручку, глядя, как на экране мелькают зернистые кадры, и в конце концов наткнулась на статью под заголовком:

ПОЗОР!

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА
ВETERАН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЧАРЛЬЗ СИНГЛТОН
ПРЕДАЕТ НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО СВОИМ ВОПИЮЩИМ
ПОСТУПКОМ**

Статью сопровождала фотография двадцативосьмилетнего Чарльза Синглтона в форме солдата Гражданской войны. Рослый, с большими руками, плотно облегающий мун-

дир подчеркивает могучую мускулатуру. Толстые губы, высокие скулы, кожа довольно темная.

Вглядевшись в не улыбочливое лицо и спокойные пронзительные глаза, Женева решила, что между ними определенно есть сходство. Форма головы, черты лица, насыщенный оттенок кожи. Хотя сложением они отличались просто разительно. Женева Сеттл — настоящая худышка — крысеныш, как обзывали ее девчонки из квартала Делано.

Она как раз собралась читать дальше, когда послышался непонятный шум.

Какой-то щелчок в помещении за спиной. Дверной шпингалет? Раздались и замерли чьи-то шаги. Еще шаг. И опять тишина.

Женева обернулась, но никого не увидела.

Ощувив холодок страха, она тут же постаралась взять себя в руки. В излишней нервозности виноваты дурные воспоминания, и только. Как, например, драки с девчонками из квартала Делано во дворе за школой или тот раз, когда Тония Браун со своей бандой из квартала Сент-Николас затащили ее в переулок и отколошматили так, что выбили коренной зуб. Мальчишки могли облапать, мальчишки могли унижить, но кровь пускали девчонки.

А ну-ка навалим ей! Давай, преслуй эту сучку!..

Снова шаги — остановка.

И тишина.

Мрачная, затхлая, молчаливая — сама атмосфера этого места не способствовала успокоению. Вдобавок во вторник, в четверть девятого, здесь не было ни души. Туристы еще спали или только усаживались завтракать, поэтому официально музей был закрыт, но библиотеку открывали в восемь. Женева уже ждала, когда пришли отпирать двери, — так ей не терпелось прочитать эту статью. Сейчас она сидела в кабинке в конце большого зала, уставленного безликими манекенами в одеждах девятнадцатого столетия и увешанного картинами: мужчины в причудливых шляпах, женщины в чепцах, лошади на тонких ногах.

Еще шаг — тишина.

Может, уйти? Посидеть пока с библиотекарем — доктором Бэрри? Дождаться, когда этот крадущийся ублюдок отсюда свалит?

Невидимый посетитель за спиной усмехнулся.

Веселый такой смешок, ничего жуткого.

Затем донесся голос:

— Отлично. Я еще позвоню.

Хлопнула крышка мобильного.

Теперь ясно, почему он все время останавливался — просто слушал, что говорит собеседник на другом конце.

Ну вот, подруга, не стоило волноваться. Когда люди смеются или болтают по сотовому, они не опасны. Он шагал медленно, потому что все так делают, когда разговаривают по телефону. Хотя каким надо быть уродом, чтобы пользоваться мобильником в библиотеке?

Женева повернулась обратно к экрану: «Ну что, Чарльз, смел ты от них уйти? Очень надеюсь».

Однако беглецу удалось вскочить; вместо того чтобы мужественно признать свой проступок, он трусливо побежал дальше.

«Вот тебе и объективное освещение», — со злостью подумала девушка.

На какое-то время он оторвался от преследователей. Но его преимущество оставалось недолгим. Негр-коммивояжер заметил беглеца с порога одного дома и призвал того остановиться во имя торжества справедливости, присовокупив, что осведомлен о преступлении мистера Синглтона, бросающем тень на всех цветных граждан страны. После чего добропорядочный сын своей нации, некто Уокер Лоукс, швырнул в мистера Синглтона кирпич. Однако...

Чарльз увертывается от запущенного в него снаряда и, обернувшись к коммивояжеру, кричит: «Я невиновен! Я не делал того, в чем меня обвиняют!»

История вновь захватила воображение Женевы, и документальная хроника ожила в красках.

Лоукс не внимает оправданиям вольноотпущенника. Он выбегает на середину улицы и зовет полицейских, кричит, что беглец направляется к докам.

Сердце Чарльза обливается кровью, из головы не выходит образ жены Вайолет и сына Джошуа, но он продолжает бежать.

Летит, не жалея ног, в отчаянном рывке к свободе.

За спиной слышен галоп конной полиции. Впереди тоже показывается группа всадников с офицером во главе. В руке у него пистолет.

— Стой! Стой! Ни с места, Чарльз Синглтон! Я капитан-детектив Уильям Симс. Второй день тебя ищу!

Вольноотпущенник подчиняется. Его широкие плечи опущены, мускулистые руки повисли, грудь тяжело вздымается каждый раз, как он со свистом втягивает влажный вонючий воздух Гудзона. Рядом контора буксирщиков, а на реке в обе стороны, насколько хватает глаз, торчат жерди мачт. Их сотни, и каждая манит обещанием свободы. Все еще задыхаясь, Чарльз приваливается к большому щиту с рекламой почтовой компании «Свифтшур экспресс». Смотрит на приближающегося полицейского, слушая громкое цоканье копыт о булыжники мостовой.

— Чарльз Синглтон, ты арестован по обвинению в грабеже. Либо сдашься сам, либо мы тебя скрутим. Так и так окажешься в кандалах. Будешь рытаться — пеняй на себя.

— Меня обвинили в преступлении, которого я не совершал.

— Повторяю: сдавайся или умри. Другого выбора у тебя нет.

— Нет, сэр. У меня еще есть выбор! — выкрикивает Чарльз и бросается в сторону дока.

— Стой! Стрелять буду! — кричит вдогонку детектив Симс.

Но беглец перескакивает через поручни пирса — так скакун атакующей конницы берет частокол. На мгновение он как будто зависает в воздухе, затем кувырком обрушивается в мутные воды Гудзона, что-то неразборчиво бормоча: может, возносит молитву Иисусу или клянется в любви жене и ребенку. Никто из преследователей не слышит, что это за слова.

В пятидесяти футах от аппарата для чтения микрофиш сорокаоднолетний Томпсон Бойд еще чуть ближе продвинулся к девушке.

Натянув на лицо вязаную спортивную шапочку, он подогнал прорези по глазам и убедился, что барабан револьвера не заклинивает. Все уже проверено, но в таком деле лучше перестраховаться. Засунув револьвер в карман, он вытащил из-под плаща увесистую дубинку.

Томпсон стоял за книжными стеллажами, отделяющими его от столов с аппаратами для чтения микрофишей. Пальцами в латексных перчатках он надавил на глаза, в которых сегодня с утра была особенно острая резь, и заморгал от боли.

Потом огляделся, в очередной раз убеждаясь, что вокруг никого.

Никакой охраны — что здесь, что внизу на входе. Ни одной камеры наблюдения или журнала для записи посетителей. Замечательно. Хотя без мелких накладок не обошлось. В помещении царила гробовая тишина, и Томпсону не удалось скрыть от девушки свое приближение. Она наверняка уже знает, что в зале есть кто-то еще, и могла насторожиться. Поэтому, войдя в это крыло библиотеки и заперев за собой дверь, он сразу же отчетливо хохотнул.

Томпсон Бойд перестал смеяться несколько лет назад, но, как истинный мастер своего дела, отлично знал, в чем сила хорошего настроения и как его можно использовать. Достаточно коротко усмехнуться, произнести пару прият-

ных прощальных слов, щелкнуть крышкой мобильного, и жертва успокоится.

Уловка, похоже, сработала. Девушка сидела, уставившись на экран, быстро сжимая и разжимая руки, явно взволнованная чтением.

Бойд еще на несколько шагов сократил расстояние.

И снова замер, услышав, как она отодвигается от стола, скрипя ножками стула по линолеуму. Затем раздались шаги. Неужели уходит? Нет. Судя по звукам, она включила питьевой фонтанчик и сделала несколько глотков. Затем, сняв с полки книги, стопкой поставила их на стол. После короткой паузы жертва вернулась к полкам, чтобы выбрать еще несколько книг. Глухое «бух», и вторая куча легла на стол. Наконец стул снова скрипнул, когда она усаживалась. Затем тишина.

Томпсон выглянул из-за полки. Девушка сидела и читала одну из дюжины книг, которые нагромодила перед собой на столе.

Держа в левой руке пакетик с презервативами, перочинным ножом и мотком клейкой ленты, а правой сжимая дубинку, Томпсон пошел вперед.

Теперь он подкрадывался к ней из-за спины, все ближе и ближе — двадцать футов, пятнадцать.

Десять футов. Теперь, даже если она вскочит и побежит, он сможет ее достать: выбьет колено или оглушит ударом по голове.

Восемь футов, пять...

Он остановился и беззвучно положил «набор насильника» на соседнюю полку. Поудобнее обхватил рукоять и высоко занес для удара полированную дубовую битку.

Девушка увлеченно читала, не подозревая о нависшей опасности.

Томпсон со всей силы обрушил битку на обтянутую вязаной шапочкой голову девушки. Оглушительный хруст... Удар болью отозвался в руках.

Но что-то в звуке и ощущении от контакта было неправильно.

В чем дело?

Томпсон Бойд отскочил назад, глядя, как тело падает на пол... и разваливается на части.

Торс манекена повалился в одну сторону, голова в другую. Какое-то мгновение Томпсон завороченно смотрел перед собой. Затем повернул голову и увидел нижнюю часть манекена с накинутым на нее бальным платьем — одним из экспонатов выставки женской одежды периода после Гражданской войны.

О нет...

Каким-то образом догадавшись, что он представляет угрозу, девушка сделала вид, будто берет с полки книги, а на самом деле разобрала манекен, напялила на него свой свитер и шапочку и усадила все это за стол.

Но где же она сама?

Вместо ответа Томпсон Бойд услышал быстрые шаги, удаляющиеся в сторону пожарного выхода. Сунув дубинку под плащ, он выхватил револьвер и бросился вдогонку.

ГЛАВА 2

Женева Сеттл бежала. Спасалась бегством. Как ее предок Чарльз Синглтон. Хватая ртом воздух. Как Чарльз.

Увы, она не могла похвастаться тем достоинством, с каким ее предок держался во время погони сто сорок лет назад. В бешеной панике, всхлипывая и зовя на помощь, Женева налетела на стену, ободрав тыльную часть руки.

Держи крысеныша! Вон она, вон она! Костлявая сучка!

Мысль о лифте пугала: настоящая западня. Девушка метнулась к пожарному выходу, с разбега открыла плечом дверь. От удара Женева задохнулась, перед глазами сверкнула желтая вспышка. Не сбавляя скорости, девушка выскочила на площадку четвертого этажа и дернула ручку на

себя. Но двери запасных выходов с лестницы не открываются — надо бежать на первый этаж.

Ловя ртом воздух, она понеслась вниз по ступенькам, думая: «Ну почему? Что ему надо?»

«Костлявая сучка на нас и смотреть не хочет...»

Пистолет... Вот что ее насторожило. Женева Сеттл с бандитами не водилась, однако нельзя учиться в школе имени Лэнгстона Хьюза, в самом сердце Гарлема, и ничего не знать об оружии. Когда раздался щелчок — совсем не как от закрываемого мобильного, — она сразу подумала, что своим благодушным смехом мужчина просто пытается ее обмануть. Готовая в любой момент броситься наутек, Женева сделала вид, будто направляется к питьевому фонтанчику. Сквозь книжные полки она заметила голову с натянутой на лицо лыжной маской. Поняв, что если не удержать его внимание на столике с аппаратом для микрофиш, то проскочить к двери не удастся, она с грохотом бросила на стол прихваченные с собой книги, передела ближайший манекен в свой свитер и шапочку и усадила куклу на стул. Потом стала ждать, когда он приблизится; и как только он подошел — проскользнула мимо него к выходу.

Накати ей! Вздуй эту сучку!..

Женева оставила позади очередной этаж.

Сверху раздался звук бегущих шагов. Господи Иисусе! Он ее нагонял! Тоже нырнул на лестницу и теперь был все-го в одном пролете у нее за спиной. Чувствуя, как от усилий деревенеют ноги, поддерживая саднящую руку, Женева неслась вниз по ступеням, но шаги преследователя раздавались все ближе.

В самом низу она проскочила сразу четыре ступеньки и, неловко приземлившись, налетела на шершавую бетонную стену. Морщась от боли, девушка с трудом поднялась на ноги; шаги сверху приближались, по стене шахты скакала тень.

Женева бросилась к двери и оторопела, увидев обмотанный цепью засов.

О нет-нет-нет... Цепи на дверях пожарного выхода за-
прещены, но это не значит, что служащие музея не восполь-
зуются ими для защиты от воров. А может, преследователь
заранее намотал цепь, чтобы перекрыть ей выход. И вот она
здесь — в темной каменной западне. Но что, если цепь толь-
ко для вида?

Есть только один способ узнать, подруга!

Разбежавшись, Женева толкнулась в створку.

Дверь распахнулась.

Слава тебе...

Внезапно уши наполнил оглушительный рев, полоснул
болью по сердцу. Женева закричала. Неужели ей простре-
лили голову? Нет, всего лишь сигнализация зашла воем
почище, чем Кишины малолетние братцы. Вот и улица. За-
хлопнув за собой дверь, девушка огляделась, решая, куда
бежать — направо, налево...

А ну-ка навалим ей! Давай, прессуй эту сучку!..

Бросилась направо, на Пятьдесят пятую улицу, и ныр-
нула в толпу спешащих на работу людей. Кто-то взглянул
на нее с тревогой, кто-то с опаской, большинство же просто
не обратили внимания. Снова взвыла сирена — это пресе-
дователь выскочил из дверей. Он попытается скрыться
или продолжит погоню?

Женева бежала по улице в сторону Киш, которая стоя-
ла на краю тротуара со стаканчиком кофе в одной руке,
а другой пыталась зажечь на ветру сигарету. У ее одноклас-
ницы были темная, цвета мокко, кожа, аккуратный лило-
вый макияж и целый каскад светлых нарощенных коси-
чек. Ровесница Женевы, Киш была на целую голову выше,
с округлыми упругими формами, округлыми там, где надо:
большие груди, широкие бедра, немного жирка. Она ждала
Женеву на улице, так как музей ее не интересовали, как,
впрочем, и любые другие здания, где запрещалось курить.

— Жен! — Киш швырнула бумажный стаканчик на до-
рогу и бросилась навстречу подруге. — Чего стряслось? На
тебе лица нет.

— Там... в библиотеке... — У Женева перехватывало дыхание, к горлу волной подкатывала тошнота. — Один тип... на меня напал.

— Вот хрень! — Лакиша резко обернулась. — Где он?

— Не знаю... бежал вдогонку...

— Спокойно, подруга. Надо отсюда валить. Давай-ка бегом.

Рослая одноклассница, которая давно прогуливала физкультуру и уже два года как курила, запыхтела рядом с Женовой, ритмично взмахивая руками.

Они успели пробежать полквартала, когда Женева, постепенно сбавляя темп, остановилась.

— Бросай якорь, подруга.

— Да ты с ума спятила, Жен?

Паника отпустила, и на смену пришло новое чувство.

— Бежим, подруга! — Киш задыхалась. — Шевели задницей!

Но Женева Сеттл уже все решила. Ее страх перешел в злость: «Ну нет, просто так этот подлец не отвертится». Она посмотрела вдоль улицы в одну сторону, в другую и, увидев то, что искала — как раз у входа в переулок, откуда минуту назад неслась со всех ног, — без колебаний зашагала обратно.

Оказавшись примерно в квартале от музея посреди толпы спешащих на работу людей, Томпсон Бойд перешел с бега на быстрый шаг. Он был средним во всех отношениях человеком: среднего роста и веса, среднего телосложения, средней физической силы. Даже волосы были среднекаштанового оттенка. (В тюрьме ему прилепили кличку «серый статист».) Окружающие часто его просто не замечали.

И все же бежать в центре города, если, конечно, не ловишь автобус или такси, — значит притягивать к себе лишние взгляды. Поэтому Бойд сбавил темп и вскоре полностью растворился в толпе.

У перехода на перекрестке Шестой авеню и Пятьдесят третьей, дожидаясь зеленого сигнала светофора, он быстро обдумал сложившуюся ситуацию и принял решение. Сняв с себя плащ, перекинул его через руку — так, чтобы не пришлось далеко лезть за оружием, — развернулся и зашагал обратно к музею.

Томпсон Бойд никогда не отступал от прописных истин своего ремесла. Казалось бы, глупо возвращаться на место неудавшегося покушения — туда наверняка уже подтягивается полиция. Однако люди особенно уязвимы, когда вокруг полно полицейских. Нередко в такой ситуации к человеку можно подобраться поближе. Неотличимый от остальной толпы, «серый статист» Томпсон Бойд вновь направился к Музею афроамериканской истории.

Некоторые вещи иначе как чудом не назовешь.

Где-то в мозгу или в теле в ответ на мысленный или физический раздражитель — захотелось чего-нибудь выпить, или руку обожгла горячая сковородка — рождается нервный импульс, передающийся по оболочкам нейронов от одной клетки к другой. Вопреки расхожему мнению этот импульс не электрический ток, а волна возбуждения, которая складывается из кратчайших перепадов потенциала на поверхности нервных клеток. Скорость ее распространения высока — около ста двадцати метров в секунду, а сила возбуждения всегда неизменна — сигнал либо есть, либо его нет.

Когда нервный импульс достигает цели — мышц, желез, органов, — он вызывает ответ, заставляя сердце сокращаться, легкие — качать воздух, тело — танцевать, руки — двигаться, писать любовные письма, управлять космическим кораблем.

Это ли да не чудо?

Но что, если произошел сбой? Что, если ты осматривал место убийства в строящейся подземке и на тебя обрушилась балка, переломив шейный отдел всего в четырех по-

звонках ниже основания черепа, как это случилось с главой опергруппы Линкольном Раймом несколько лет назад?

Когда такое происходит, любые прогнозы теряют смысл.

Даже если спинной мозг остается цел, кровоизлияние в месте удара вызывает сдавливание и голодание нервных клеток. Положение усугубляется тем, что, отмирая, нейроны по неясным причинам выделяют токсичную аминокислоту, которая разрушает соседние клетки. В конце концов, если пациент выживает, поврежденные клетки оказываются намертво замурованы рубцовой тканью. И «намертво» — не преувеличение. Потому что в отличие от нейронов периферической нервной системы клетки головного и спинного мозга не восстанавливаются. Отмирая, они утрачиваются навсегда.

Бывает, что у некоторых пациентов после такого «критического события», как это тактично именуют врачи, нервные клетки, контролирующие жизненно важные органы, например сердце и легкие, продолжают функционировать, давая счастливицам возможность жить дальше.

Вот только уместно ли тут говорить о везении?

Многие предпочли бы сразу умереть, чем страдать от бесконечных судорог, инфекций и пролежней. Добавьте сюда приступы вегетативной дисрефлексии, которые нередко заканчиваются инсультом; необъяснимые фантомные боли, от которых не избавляет ни аспирин, ни морфий...

А стоит ли говорить, как переворачивается вся твоя жизнь — все эти физиотерапевты, сиделки, респираторы, катетеры, памперсы... беспомощность и, конечно, депрессия.

Некоторые, оказавшись в таком положении, просто сдаются и мечтают о смерти. Самоубийство, конечно, выход, хотя и не всегда легкий. (Попробуйте покончить с жизнью, если всего-то и можете, что пошевелить головой.)

Другие продолжают бороться.

— Может, достаточно? — спросил Райма стройный молодой человек, одетый в слаксы, белую рубашку и бордовый галстук в цветочек.

— Нет, — прозвучал в ответ запыхавшийся голос. — Хочу еще покрутить.

Райм был пристегнут ремнями в седле хитроумного тренажера, установленного в одной из пустующих спален на втором этаже его дома по Сентрал-Парк-Уэст.

— А по-моему, тебе хватит, — парировал Том, его санитар-помощник. — Крутишь педали уже больше часа. Пульс скоро зашкалит.

— Всего лишь въезжаю на Маттерхорн. Я — Лэнс Армстронг¹, — пропыхтел Райм.

— Маттерхорн не входит в число этапов на «Тур де Франс». Это гора, и на нее можно взобраться, но не на велосипеде.

— Спасибо за справку, Том. Я говорил фигурально. Далеко я укатил?

— На двадцать две мили.

— Сделаем еще восемнадцать.

— Ну уж нет, не больше пяти.

— Восемь, — не уступал Райм.

Его статный молодой помощник только поднял бровь.

— Ну хорошо.

Райму и нужно было лишь восемь. Он ликовал. Побеждать было его кредо.

Велогонка продолжалась. Мышцы приводили педали в движение — все так, однако эта деятельность сильно отличалась от обычной езды на велотренажере. Источником раздражителя, от которого по нервам распространялись импульсы, был не мозг Райма, а компьютер, связанный с мышцами его ног посредством электродов. Такое устройство называлось эргометрическим ФЭС-тренажером. Функцио-

¹ Лэнс Армстронг — американский велосипедист. После лечения от рака семь раз выиграл «Тур де Франс». В 2012 году пожизненно дисквалифицирован за применение допинга.

нальная электростимуляция имитирует нервную систему с помощью компьютера, электродов и проводов, посылая в мышцы слабые электрические разряды, заставляя их реагировать так, словно они контролируются мозгом.

Для выполнения повседневных действий, будь то ходьба или пользование инструментами, метод ФЭС применяются редко. По-настоящему он полезен как терапевтическое средство для улучшения состояния пациентов с серьезными нарушениями двигательных функций.

Начать тренировки Райма подвиг пример одного человека, которым он восхищался. Актер Кристофер Рив получил еще более тяжелое увечье, когда упал с лошади. К большому удивлению медицинских светил, благодаря силе воли и упорным тренировкам Рив сумел восстановить некоторые двигательные функции и частично вернуть утраченную чувствительность. Райм несколько лет колебался, согласиться ли на рискованную экспериментальную операцию на спинном мозге, и в конце концов выбрал терапевтический курс наподобие того, который проходил Рив.

Безвременная кончина актера подхлестнула Райма с еще большим рвением следовать своему плану, а Том помог ему найти одного из лучших на востоке США специалистов по травмам позвоночника — доктора Роберта Шермана. Док составил программу занятий, включающую в себя эргометр, водную терапию и локомоторную дорожку — громоздкое приспособление с ногами-роботами, также действующее под управлением компьютера, которое фактически позволяло Райму «ходить».

Лечение дало результат. У Райма окрепли сердце и легкие. Плотность костной ткани стала такой же, как у здоровых людей его возраста. Увеличилась мышечная масса. Райм был теперь почти в той же форме, что в бытность свою главой следственного отдела при нью-йоркском управлении полиции, курировавшего подразделение по обследованию мест преступлений. В те времена он каждый день нахаживал изрядное количество миль, порой, невзирая на высокий чин, лично проводил осмотр мест преступлений, а так-

же собирал образцы почвы, камней, бетона и сажи по всему городу, чтобы пополнить экспертные базы данных.

Благодаря упражнениям у Райма почти исчезли пролежни от долгого сидения и лежания, стабилизировались функции естественных отпавлений и реже возникали мочевые инфекции. С тех пор как он начал держать режим, только однажды имел место эпизод вегетативной дисрефлексии.

Разумеется, один вопрос по-прежнему оставался открытым: помогут ли месяцы изнурительных тренировок фактически улучшить его состояние, а не только нарастить мышцы и укрепить кости? Простой тест сенсомоторных функций дал бы ему быстрый ответ. Но для этого Райму пришлось бы посетить клинику, на что у него никак не находилось свободного времени.

— Не можешь выкроить даже часок? — вопрошал его Том.

— Часок? Часок?! С каких это пор поездка в больницу занимает часок? Где ты вообще видел такую больницу, Том? В Зазеркалье или, может быть, в стране Оз?

В итоге доктор Шерман все-таки допек Райма, и тот согласился пройти обследование. Через полчаса они с Томом должны были отправиться в нью-йоркскую больницу, чтобы получить наконец заключение о том, намечаются ли положительные сдвиги.

Пока же все мысли Райма были сосредоточены на велогонке, которую следовало завершить. И поднимался он на самый что ни на есть Маттерхорн. Причем Лэнса Армстронга уже обгонял.

Когда гонка закончилась, Том снял друга с велосипеда, вымыл, облачил в белую рубашку и темные спортивные брюки. Затем усадил в коляску, и Райм покатил к кабинке лифта, чтобы спуститься в лабораторию, бывшую гостиную, где сидела рыжеволосая Амелия Сакс. Она делала опись улик по текущему делу, которое вело полицейское управление; Райма привлекли в качестве консультанта.

Ловко маневрируя на ярко-красной «Штормовой стреле» с помощью единственного подвижного пальца — безымянного на левой руке, — Райм пересек лабораторию и остановился рядом с Амелией. Она наклонилась и поцеловала его в губы, на что Линкольн ответил полной взаимностью. На мгновение оба замерли. Райм наслаждался ее физической близостью, вдыхая сладковатый цветочный запах мыла, запоминающая дразнящее прикосновение локона к своей щеке.

— Далеко укатил сегодня?

— Был бы в Северном Уэчестере, если бы меня не сняли с дистанции. — Он бросил мрачный взгляд в сторону Тома.

Его помощник только подмигнул Сакс. Все как с гуся вода.

Высокая стройная Сакс была одета в темно-синий брючный костюм, который всегда носила с черной или синей блузкой. (Как говорилось в тактическом руководстве для офицеров полиции: «Контрастирующие с пиджаком рубашки и блузы представляют более четкую цель для выстрела в область груди».) Ее наряд был практичным и неброским — совсем не то, что она привыкла носить на прежней работе. До того как прийти в полицию, Амелия Сакс несколько лет была манекенщицей.

На боку, где был пристегнут автоматический «глок», пиджак слегка топорщился. Она предпочитала брюки мужского покроя, с задним карманом, в котором прятала запрещенный, но часто незаменимый инструмент — раскладной нож. На ногах, как обычно, были практичные туфли на мягкой подошве — из-за артрита при ходьбе ей нередко сводило ноги.

— Когда отправляемся? — спросила она у Райма.

— В больницу? Ни в коем случае!.. Тебе со мной ехать не стоит. Лучше посиди здесь, опиши собранные улики.

— Уже почти все описано. Да и не в этом дело... просто я сама так решила.

— Ну, цирк. Так и знал, что этим все кончится, — пробурчал в ответ Линкольн.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ЧЕЛОВЕК НА ТРИ ПЯТЫХ <i>Вторник, 9 октября</i>	5
Часть II. КОРОЛЬ ГРАФФИТИ	97
Часть III. ХОЛМЫ ВИСЕЛЬНИКА <i>Среда, 10 октября</i>	249
Часть IV. МЕРТВЕЦ ИДЕТ.....	353
Часть V. ТАЙНА ВОЛЬНООТПУЩЕННИКА <i>Октябрь, с пятницы 12-го по пятницу 26-го</i>	463
Послесловие автора	509

Дивер Дж.

Д 44 Двенадцатая карта : роман / Джеффри Дивер ; пер. с англ. В. Полещикова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20399-0

Прикованный к инвалидному креслу гениальный криминалист Линкольн Райм вместе со своей ученицей и помощницей Амелией Сакс расследуют необычное дело: после неудавшегося покушения наемный убийца продолжает преследовать старшеклассницу из Гарлема. Кто и зачем охотится на обычную школьницу, которая пишет курсовую о своем предке — бывшем рабе Чарльзе Синглтоне, боровшемся за права афроамериканцев? Единственная зацепка, оставленная на месте покушения, — двенадцатая карта Таро «Повешенный». Вместе со своей командой Райм и Сакс пытаются просчитать очередной шаг наемника и вместе с тем выясняют, что же случилось июльской ночью 1868 года, когда Синглтон был арестован. Какую мучительную тайну он скрывал?

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕФФРИ ДИВЕР
ДВЕНАДЦАТАЯ КАРТА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.11.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-29250-01-R